

(А3.2) Библиотека. Святоотеческая

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так (Быт. 1, 24). Вышло повеление, следовавшее по порядку, и земля получила свойственное ей украшение. Там сказано: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; здесь: произведет земля душу живую. Ужели земля одушевлена? И правы суемудрые манихеи, которые и в землю влагают душу? Когда сказал: да произведет, не значит, что земля износит уже находившееся в ней; но Давший поведение даровал земле и силу произвести. Ибо когда земля услышала: да произрастит зелень, траву... и дерево плодовитое, не сокрытую какую-нибудь в ней траву извела из себя, не таившиеся где-нибудь внизу в недрах ее пальмы, или дуб, или кипарис пустила на свою поверхность, но Божие слово созидает естество тварей. Да произрастит земля, да изринет не то, что имеет, но да приобретает то, чего не имеет, поскольку Бог дарует силу действовать. Так и теперь: да произведет земля душу, не ту, которая уже в ней, но ту, которая дана ей Богом чрез самое сие повеление. Притом, учение манихеев само собою обращается против них. Ибо если земля извела душу, то себя оставила она уже лишеною души. Но мерзость их учения сама собою очевидна.

Почему, однако же, водам повелено извести пресмыкающихся, душ живых, а земле - душу живую? Потому как рассуждаем, что естество плавающих причастно невидимому, жизни менее совершенной, по самому обитанию своему в грубой воде. И слух у них тяжел, и видят они тупо, потому что смотрят сквозь воду; у них нет ни памяти, ни представления, ни понятия о свичке. Посему слово как бы показывает, что в водных животных плотская жизнь управляет душевными движениями: а в животных, живущих на суше, так как жизнь в них совершеннее, все владычество вручено душе. У большей части четвероногих чувства больше уяснены, представления настоящего изошрены, памятование прошедшего подробно. Посему, как кажется, в водных сотворены одушевленные тела (ибо пресмыкающиеся изведены из воды), в живущих же на суше повелено произойти душе, управляющей телом, чтобы обитающие на земле несколько более причастны были жизненной силы. Ибо хотя и живущие на суше животные бессловесны, однако же каждое из них естественным своим голосом выражает многие их душевные состояния, ибо и радость, и скорбь, и знание привычного, и недостаток пищи, и разлуку с пасущимися вместе и другие многие состояния оно обнаруживает звуком. Водные же животные не только безгласны, но не могут быть ни укрощаемы, ни обучаемы, и ко всякому общению в жизни с людьми неподручны. Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего (Ис. 1, 3), но рыба не может знать того, что ее кормит. Осел знает привычный голос, знает дорогу, по которой много раз ходил, а иногда бывает путеводителем и человеку, сбившемуся с дороги; такой же остроты слуха, какая у сего животного, говорят, не имеет ни одно из живущих на суше животных. Какое из морских животных могло бы подражать памятозлобью верблюда, его

гневливости и продолжительности гнева? Верблюды, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таит гнев; как скоро улучает удобный случай, отмщает за обиду. Слышите, жестокосердые, старающиеся укоренить в себе как добродетель памятозлобие, кому вы подобны, когда огорчение на ближнего, как искру, сокрытую в пепле, храните в себе до тех пор, как получив предлог, подобно пламени, распалаете гнев?

Да произведет земля душу живую. Для чего земля изводит душу живую? Чтобы ты знал различие между душою скота и душою человека. Вскоре узнаешь, как сотворена душа человеческая, а теперь слушай о душе бессловесных. Поелику, по Писанию, душа тела в крови (Лев. 17, 11), а сгустившаяся кровь обыкновенно обращается в плоть и истлевшая плоть разлагается в землю, то, по всей справедливости, душа скотов есть нечто земное. Итак, да произведет земля душу живую. Рассмотрим связь души с кровью, крови - с плотью, плоти - с землею, и опять в обратном порядке переходим от земли к плоти, от плоти к крови, от крови к душе, и ты найдешь, что душа скотов есть земля. Не думай, что она старше телесного их состава и что она пребывает по разрушении тела. Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорят о себе, что они были некогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что когда писали сие, были бессмысленнее рыб.

Да произведет земля душу живую. Для чего, при обильном течении слова, молчал я немалое время, удивляются, может быть, многие. Но внимательнейшим из слушателей, конечно, небезызвестна причина, по которой прервана речь. Из чего же сие видно? Из того, что они, взглядывая друг на друга и подавая друг другу знаки, обратили на себя мое внимание и привели меня на мысль опущенное мною. Ибо целый ряд тварей, и притом немаловажный, укрылся от нас, и слово наше едва не простерлось далее, оставив его вовсе неисследованным.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной (Быт. 1, 20). Говорили мы о плавающих, сколько позволило вечернее время, а сегодня перешли к исследованию живущих на суше: но забыты нами птицы, занимающие средину между теми и другими. Посему, по примеру забывчивых путешественников, которые, не захватив чего-либо важного, хотя и много уже прошли пути, опять возвращаются тою же дорогой, и в этом путешествии несут достойное наказание за свою нерадивость; по сему, говорю, примеру и нам, кажется, необходимо идти назад прежним путем. Ибо опущенное нами не должно быть презрено, но составляет, как кажется, третью часть живых тварей, так как три рода животных: живущее на суше, летающее и водное.

Сказано: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят по тверди небесной. Почему и птиц произвел из вод? Потому что у летающих с плавающими есть как бы некоторое сродство. Как рыбы рассекают воду, посредством движения перьев поступая вперед, а чрез обращение хвоста давая себе то поворотные, то прямые направления, так и в птицах можно видеть, что они подобным образом плавают по воздуху на крыльях. Посему, так как у тех и других одно свойство - плавать, то происхождением из вод сообщено им одно некоторое сродство, за исключением, что нет ни одной птицы без ног, потому что всем доставляет пропитание земля, и все они по необходимости имеют нужду в содействии ног. И хотя хищным птицам для лова даны острия когтей, однако же прочим и в добывании пищи и других потребах жизни необходимую услугу доставляют ноги. У немногих птиц слабые ноги, и они не способны ни ходить, ни ловить ногами добычу: таковы ласточки, которые не могут ни ходить, ни ловить ногами, и так называемые щурки [1], которым определено в пищу носящееся в воздухе. Впрочем, для ласточки летание, близкое к земле, служит вместо ног.

И у птиц есть бесчисленные различия пород: если кто станет их описывать таким же образом, как отчасти коснулись мы рассмотрения рыб, то найдет, что, хотя все имеют одно имя - птица, однако же в них много различий по величине, по виду, и цвету, и также в роде жизни, занятиях и нравах столько разнообразия между ними, что нельзя и описать. Некоторые пытались уже составить свое именованье, чтобы, по неупотребительному дотолу и новому наименованию, как по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И одних птиц называли разрезистоперыми, каковы орлы; других кожеперыми, каковы нетопыри; иных плевперыми, каковы осы; других жесткоперыми, каковы жуки и все родящиеся в каких-то мешочках и оболочках и по разорвании своих надкрылий начинающие летать свободно. Но для нас достаточный признак к различению свойства породы - общая польза и употребительное в Писании разделение на чистых и нечистых. Итак, иная порода птиц плотоядных и иное устройство их, приличное способу их пропитания - острия когтей, загнутость клюва, полет быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча и, растерзанная, служила пищею ловцу. Иное устройство птиц, питающихся семенами, и иное тех, которые едят все что ни попалося. И между сими опять весьма много различий. Одни водятся стадами, исключая хищных птиц: у сих нет никакой общительности кроме общения между супругами. Но тысячи других любят жизнь общественную, например, голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между сими у одних безначалие и как бы вольность, а другие не отказываются подчиняться вождю - как журавли. А еще есть у них и другое различие, по которому одни оседлы и туземны, другие же привыкли улетать далеко и по большей части переселяться с приближением зимы. Многие из птиц, будучи вскормлены человеком, делаются ручными и смирными, исключая слабосильных, которые по причине чрезмерного страха и робости не терпят, чтобы их часто беспокоили, прикасаясь рукою. А некоторые из птиц любят жить с людьми и в одних с нами жилищах; иные живут на горах и любят пустыни.

Весьма большое различие составляет и свойство голоса в каждой птице. Одни из птиц говорливы и болтливы, а другие молчаливы; одни приятно поют и на разные голоса, другие совсем не имеют музыкальности в голосе и не умеют петь. Одни переимчивы или от природы имея дар подражать, или приобретая оный чрез упражнение, а другие издают однообразные и неизменные звуки. Петух горд, павлин любитель красоты; голуби и домашние куры похотливы и во всякое время предаются похоти; куропатка лукава и ревнива, хитро содействует ловцам к уловлению добычи.

Тысячи также, как сказали мы, различий в занятиях и роде жизни. Некоторые из бессловесных ведут жизнь гражданственную, поелику гражданственности свойственно, чтобы действия всех клонились к одному общему концу, как это можно видеть у пчел. Ибо у них и жилище общее, и вылет общий, и занятие у всех одно; а что всего важнее, за всякое дело принимаются под распоряжением царя и чиновника, не прежде осмеливаются вылетать на поля, как увидев царя предначавшим полет. И царь у них не по большинству голосов избирается (ибо безрассудство народа часто поставило начальником худшего), не по жребию получает власть (ибо неразумная случайность жребия нередко вручает могущество самому последнему), не по родовому преемству возводится на царство (ибо таковые от роскоши и ласкательства всего чаще бывают малосведущи и не приучены ни к какой добродетели), но от природы имеет первенство над всеми и превосходит их величиною, видом и кротостью нрава. У царя сего есть и жало, но он не употребляет его на мщение. Таковы как бы неписанные законы природы, чтобы достигшие высочайшего могущества были медлительны в наказании. Впрочем, если некоторые из пчел не последуют примеру царя, они вскоре раскаиваются в своей безрассудности, потому что умирают, поражаемые жалом. Да слышат сие христиане, которые имеют заповедь, никому не воздавайте злом за зло... но побеждай зло добром (Рим. 12, 17-21).

Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не делая вреда и не портя чужого плода, составляет соты. Ибо воск, очевидно, собирает она с цветов, и мед - эту в виде росы рассеянную в цветах влажность, высасывая ртом, впускает в полости сотовых чашечек. Почему мед сначала бывает жидок, потом, сгустившись от времени, достигает свойственной ему вязкости и сладости. Прекрасные и приличные похвалы восписаны пчеле в Притчах, где она названа мудрою и деятельною, ибо с таким трудолюбием собирает пищу (ее труды, говорят Притчи (6, 8), употребляют во здравие и цари и простолюдины), с такою мудростью устрояет влагалища для меда! Растянув воск в тонкую кожицу, пчела строит из него частые и непрерывно сплоченные между собою углубления, так что непрерывность взаимной связи между самыми малейшими частями служит опорой всему. Каждый колодчик примыкает к другому, отделяясь от него, а вместе и соединяясь с ним тонкою перегородкою. Потом пещерки сии надстраиваются одна над другими в два или три ряда; потому что пчела опасается сделать одну совершенно впадину, чтобы жидкость своею тяжестью не проторглась вон. Смотри же, как изобретения геометрии приложены к делу у премудрой пчелы. Все сотовые пещерки

шестиугольны и равносторонни, и не в прямой линии лежат одна над другою, чтобы дны, приходясь над пустотами, не могли проломиться, но углы нижних шестиугольников служат основанием и опорой для верхних, чтобы безопасно поднимали на себе тяжесть, и влажность заключалась в каждой пустоте отдельно.

Как же опишу тебе в подробности все свойства птиц касательно рода жизни? Как, например, журавли по очереди содержат ночную стражу, и одни едят, а другие, ходя вокруг, доставляют им во время сна совершенную безопасность. Потом, когда исполнится срок стражи, стерегущий, вскрикнув, обращается ко сну, а другой сменяет его и отчасти вознаграждает за ту безопасность, какую сам пользовался. Такой же порядок усмотришь и в летании их. То один, то другой служит путеводителем и, определенное некоторое время летев впереди, перелетает назад и право предводительства в пути передает другому, за ним следующему.

А дела буселей [2] не далеки от разумного соведения. Все они в одно время прилетают в наши страны, и все как бы под одним знаменем улетают. Их окружают и сопровождают наши вороны, которые, как мне кажется, подают им некоторую помощь против неприязненных птиц. Доказательством же сему служит, во-первых, то, что около сего времени вовсе не видно ни одной вороны, а, во-вторых, и то, что вороны, возвращающиеся с ранами, носят на себе ясные знаки своего сподвижничества и ратоборства. Кто постановил у них законы странноприимства? Кто грозил им обвинением за оставление воинского строя, так что ни одна ворона не остается дома во время сопровождения? Да слышат сие негостеприимные, которые запирают двери, и даже зимой и ночью не хотят принять под кров свой пришельцев.

А заботливость буселей о состарившихся достаточна к тому, чтобы и наших детей, если только захотят внимать сему, сделать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нет человека столь скудного благоразумием, чтобы не почел он себе за стыд быть в добродетели ниже бессловесных птиц. Бусели, обступив вокруг отца, у которого от старости вылиняли перья, согревают его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже в летании оказывают сильную помощь, слегка поддерживая с обеих сторон своими крыльями. И это так известно всякому, что некоторые вместо: воздать за благодеяния, говорят: отбуселить.

Никто да не сетует на свою нищету, и хотя бы и ничего не оставалось в доме у него, да не отчаивается в своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьет она гнездо, сучья носит во рту, но грязи не может захватить ногами; посему, омочив края перьев в воде и обмазав их тонкою пылью, чрез этот способ отвращает недостаток в

грязи, и мало-помалу, как клеем, слепив грязью сучья, в гнезде своем выкармливает птенцов. А если кто им выколет глаза, ласточка от природы имеет какое-то врачебное искусство и посредством оного возвращает здоровье глазам детей. Научись из сего по причине нищеты не приниматься за худые дела, и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который, даруя столько ласточке, тем больше подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца.

Есть морская птица - зимородок. Она имеет обычай вить гнездо у самых берегов, кладет яйца на песке и сидит в гнезде среди зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается на сушу. Но вдруг умолкают ветры, и морская волна не движется, пока в течение семи дней зимородок сидит на яйцах: ибо во столько дней выводит он своих птенцов. Поелику же им нужна и пища, то великодаровитый Бог дал сему малейшему животному и другие семь дней на возвращение птенцов. Это знают все мореплаватели, почему и называют дни сии зимородковыми [3]. Все сие узаконено промыслием Божиим о бессловесных в научение тебе, чтобы ты просил у него нужного ко спасению. Какие чудеса не совершатся для тебя, созданного по образу Божию, когда Бог для такой малой птицы удерживает великое и страшное море, повелев ему быть тихим среди самой зимы?

Рассказывают о горлице, что она, будучи разлучена с супругом, не терпит уже общения с другим, но проводит безбрачную жизнь, в память прежнего супруга отказываясь от нового союза. Слышите, жены, как честно вдовство, и у бессловесных предпочитается неприличию многобрачия.

В воспитании детей всех несправедливее поступает орел. Выведя двух птенцов, одного из них, отталкивая ударами крыльев, сбрасывает он на землю, принимает же и усваивает себе только другого, по трудности пропитания отринув того, которого родил. Впрочем, отринутому, как сказывают, не дает погибнуть орел костолом, но берет его и воспитывает вместе со своими птенцами. Таковы те из родителей, которые под предлогом нищеты подкидывают младенцев или не наблюдают равенства в разделе наследства детям. Ибо справедливость требует, чтобы они, как равно дали каждому бытие, так равно одинаковые доставили им способы к жизни.

Не подражай жестокости птиц, одаренных кривыми когтями, которые, как скоро видят, что птенцы их уже отваживаются летать, начинают бить и толкать их крыльями, выкидывают из гнезда и не имеют уже более никакого о них попечения. Похвально чадолюбие вороны, которая следует и за летающими уже детьми, доставляет им пищу и кормит их весьма долгое время.

Многие породы птиц для зачатия не имеют нужды в сообщении с самцами; но у других неосеменные яйца бывают бесплодны. О коршунах [4] сказывают, что они большею частью рожают детей без взаимного сообщения, и при всем том бывают весьма долговечны, ибо жизнь их часто продолжается даже до ста лет. И сей случай из истории птиц возьми себе на замечание, чтобы, когда увидишь посмеивающихся нашему таинству, будто бы невозможно и несовместно с природою родить Деве, сохранив неоскверненным свое девство, мог ты привести себе на мысль, что благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (1 Кор. 1, 21) к удостоверению нас в чудесах, предварительно указал нам множество случаев в самой природе.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. Птицам повелевается летать по земле, потому что земля доставляет всем пищу; но и по тверди небесной, потому что, как предварительно нами замечено, небом (*ouranos*), от слова *osorasyai* (быть видимым), наименован здесь воздух; но сей воздух, находящийся над нашею головою, назван также твердию, потому что он, в сравнении с эфирным телом, несколько плотнее и более сгущен от поднимающихся паров.

Итак, вот перед тобою небо украшенное, облеченная в убранство земля, море, изобилующее свойственными ему порождениями, воздух, наполненный летающими в нем птицами! Все, что Божиим повелением приведено из небытия в бытие, даже и то, чего не коснулось ныне слово, уклоняясь от должайшего замедления на сем предмете и не желая показаться преступившим меру, все сие, трудолюбец, сообразив в уме своем и во всем изучив премудрость Божию, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!

И во тьме ночной имеешь породы птиц, снискивающих пищу ночью, и во свете дневном другие породы летающих днем. Ибо нетопыри, совы и филины принадлежат к числу птиц, питающихся ночью. Почему, если иногда нет у тебя сна, достаточно тебе остановиться на сих пернатых и исследовать находящиеся в них свойства, чтобы возбудить себя к славословию Творца. Как неусыпен соловей, когда сидит на яйцах, во всю ночь не прекращающий пения! Как нетопырь есть вместе и четвероногое животное, и птица; как он один из птиц имеет зубы и рождает живых детей, подобно четвероногим, но плавает по воздуху, поддерживаемый не крыльями, а какою-то кожанною перепонкою! Какая взаимная любовь в сих тварях от природы! Нетопыри, наподобие цепи, сплетаются между собою и держатся один на другом, что нелегко произвести и между нами, человеками, потому что отдельное и частное для многих из нас предпочтительнее общего и совокупного. Сколько уподобляются глазам совы упражняющиеся в суетной

мудрости! И у совы зрение ночью остро, но помрачается как скоро воссияет солнце; и у них весьма изощрено разумение для пустых умозрений, но омрачено к познанию истинного света.

А днем для тебя гораздо удобнее собирать отовсюду возбуждающее удивление к Создателю. Как домашняя птица будит тебя на работу, восклицая пронзительным голосом, еще издали возвещает о приближающемся солнце, рано встает с путешественниками, а земледельцев выводит на жатву! Как неусыпна порода гусей, как чутко слышат они неприметное другим! Гуси спасли некогда царственный город, дав знать о неприятелях, которые с помощью тайных подземных подкопов готовы уже были взять Римскую крепость. В какой породе птиц природа не открывает какого-либо особенного, ей свойственного чуда? Кто предвещает коршунам смерть людей, когда они ополчаются друг против друга? Ибо увидишь, что бесчисленные стада коршунов следуют за войсками и по приготовлению оружия заключают о следствиях. А сие недалеко уже от человеческих умозаключений.

Как опишу тебе страшные полчища саранчи, которая, вдруг поднявшись под одним знаменем и расположившись станом на широте страны, не прежде касается до плодов, но когда дано ей будет повеление Божие. Как саранчу преследует селевкид [5], - это врачевство от язвы, птица, одаренная не имеющею пределов способностью пожирать, потому что человеколюбивый Бог в благодеяние людям дал ей ненасытную природу?

Какой способ пения у кузнечиков? Как они в полдень поют громче обыкновенного, чрез производимое расширением груди привлечение воздуха, который издает звук? Но кажется, что слово мое, изображая все чудесное у птиц, отстаёт более, нежели сколько отстал бы я, покусившись на ногах своих следовать за их быстротою.

Когда видишь между птицами так называемых насекомых, например пчел и ос (а насекомыми названы по причине каких-то на них повсюду видимых насечек), заметь, что у них нет дыхания и легкого, но всем телом принимают они в себя воздух. Почему, обмочившись в масле, они умирают от закрытия телесных скважин, но, облитые вскоре уксусом, опять оживают, потому что проходы для воздуха открываются. Бог наш ничего не создал как избыточествующего сверх потребности, так и недостатчествующего в чем-либо нужном.

Рассматривая опять животных, любящих воду, найдешь в них другое устройство: ступни

неразделенные, как у вороны, и не искривленные, как у плотоядных птиц, но широкие и перепончатые, чтобы удобно было плавать по воде и перепонками на ступнях, как веслами, раздвигать влагу. Когда заметишь, как лебедь, опуская шею в глубину, достает себе со дна пищу, и здесь откроешь премудрость Создателя, Который лебедю дал шею длиннее ног, чтобы он, запуская ее, как уду, добывал себе пищу, сокрытую в глубине.

Слова Писания, читаемые просто, состоят из нескольких кратких слогов: птицы да полетят над землей, по тверди небесной. Но исследуем смысл, заключающийся в словах, и тогда откроется великое чудо премудрости Создателя. Сколько различий предусмотрел Он в птицах! Как отличил между собою одинаковых породю! Как снабдил каждую птицу отличительными свойствами! Недостанет мне дня, чтобы пересказать вам воздушные чудеса. Нас призывает суша и хочет показать нам зверей, гадов и скотов, имея у себя в готовности столько же стоящее внимания, как и растения, и род плавающих, и все птицы. Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их.

Что скажете вы, которые не верите Павлу об изменении при воскресении, когда видите, что многие из воздушных животных переменяют свой вид? Так рассказывают и об индийском черве рогоносце, который сначала превращается в куколку, потом со временем делается шелковичною бабочкой, но и в этом виде не остается, но окрыляется мягкими и широкими лепестками. Посему, когда сидите вы, женщины, и прядете произведение этих червей, то есть нити, какие доставляют вам сиры [6], для приготовления роскошных одежд, приводя себе на память превращение сего животного, составляйте ясное представление о воскресении, и не сомневайтесь об изменении, которое всем возвещает Павел.

Но чувствую, что слово превосходит меру; когда посмотрю на множество мною сказанного, вижу, что сим я преступил меру: но опять, когда обращаю внимание на разнообразие премудрости, явленной в тварях, мне кажется, что я еще и не начинал своей беседы. К тому же и держать вас долее не бесполезно. Ибо что стал бы иной из вас делать до вечернего времени? Вас не торопят учредители пиршеств, вас не ожидают угощения: а посему, если угодно, употребим телесный пост к увеселению душ. Часто служил ты плоти, доставляя ей наслаждения: теперь побудь в служении душе. Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего (Пс. 36, 4). Если ты богатолюбив, вот тебе богатство духовное: судьбы Господни истинны, оправданы вкупе: вожделенны паче злата и камене честна многа (Пс. 18, 10 - 11). Если ты любитель наслаждений и удовольствий: вот тебе словеса Божии, для человека здорового духовным чувством слаще меда и сота (Пс. 18, 11). Если позволю вам идти и распушу собрание, иные пойдут играть в зернь. Там клятвы, упорные споры и мучения корыстолюбия. Там стоит демон, посредством костей с точками воспламеняет бешенства; одни и те же

деньги переводит и на ту, и на другую сторону, то одного возносит победой, а другого погружает в уныние, то, наоборот, последнего делает гордым, а первого покрывает стыдом. Что пользы поститься телом, когда душа наполнена тысячами зол? А кто хотя не играет в зернь, однако же время проводит в праздности, тот чего не скажет пустого? каких не услышит нелепостей? Праздность, без страха Божия, учит пороку не умеющих пользоваться временем. Итак, в сказанном мною найдется, может быть, нечто и полезное, а если нет, то по крайней мере та выгода, что, проводя время здесь, вы не грешите; а потому удерживать вас долее значит на большее время отводить вас от грехов.

Для признательного судии достаточно и сказанного, если обратит он внимание не на богатство творения, но на немощь наших сил и на то, что и сего довольно к увеселению собравшихся. Земля угощала нас своими произрастаниями, море - рыбами, воздух - птицами. И суша готова предложить нам равноценное сему. Но здесь положим конец утреннему угощению, чтобы чрезмерное пресыщение не притупило в нас вкуса к вечернему наслаждению. Исполнивший же все Своею тварию и во всем оставивший нам явственные памятники чудес Своих да исполнит сердца ваши всяким веселием духовным о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков.

Аминь.

- В подлиннике дрепаны, которых Плиний причисляет к безногим птицам, а по переводу Евстафия - меропсы.
- Бусель - аист (Ред.)
- Или алционическими. Это 7 дней пред зимним солнцестоянием и столько же дней после оногo.
- Св. Василий, вероятно, понимает здесь Египетского ворона, который в Египте был символом богини-Матери и вообще женского начала Природы. О сей породе воронов египтяне думали, что в ней нет мужского пола.
- О том, как селевкиды преследуют и истребляют саранчу, свидетельствует Гален. Евстафий переводит margas (нырок).
- Салмазий замечает, что название сиры может принадлежать как шелковичным червям, так и народу, от которого стал известен первоначально шелк, а именно китайцам.